

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ДАГЕСТАНСКИХ АЛАНИЗМОВ

К сожалению, доля уверенности слишком велика, когда мы говорим, что дагестанские, а также нахские языки почти не тронуты этимологическими исследованиями. Сожаление это усугубляется еще и тем, что названные языки представляют собой объект более чем интересный в плане фономорфологической истории конкретного языка, конкретного слова, разнообразия семантических колебаний. И, наконец, в лексическом материале этих языков нередко четко отражаются как языковые, так и неязыковые связи дагестанцев с окружающими и окружавшими их родственными и неродственными народами. Вполне вероятно, что такие связи могут отражаться и за пределами Кавказа. Разумеется, при этом мы имеем в виду такие исследования, которые могут привести к результатам, отличным от достигнутых Карлом Боуда в ходе своих этимологических упражнений в области кавказских языков¹.

Предлагаемая статья ставит своей целью хотя бы в некоторой степени пролить свет на такой малоизученный и остающийся пока без пристального внимания исследователей вопрос, как взаимосвязи в далеком и даже недавнем прошлом между осетинами (< аланиями) и народами Дагестана. Большой интерес для уяснения путей и некоторых моментов в историческом развитии дагестанских народов представляют их контакты с соседями, селившимися по обе стороны Главного Кавказского хребта. Сношения эти, как это явствует из соответствующих исследований историков Кавказа, носили самый разнообразный характер. Однако, если это в достаточной мере показано в отношении таких областей, как Грузия, Азербайджан, Армения, Кабарда и Чечня, то вопрос не так ясен, когда речь идет об Осетии.

Первые засвидетельствованные письменными источниками контакты населения Дагестана с североиранским степным миром относятся к концу VIII — началу VII в. до н. э., когда имели место известные походы скитов в страны Передней Азии². Известно,

¹ Подробно об этом см.: Г. А. Климо. Об этимологической методике Карла Боуды (На материале кавказских языков). — «Этимология». М., 1963, стр. 268—274.

² Геродот. История I, 103—106; IV, 12.

что основная масса скифов прошла Прикаспийским путем³. Походы скифов и последующие контакты с ними отразились на материальной культуре населения Дагестана, в которой закономерно появляются «скифские» элементы⁴.

Позднее, в конце I тыс. до н. э., через Дагестан осуществлялись торговые связи аорской конфедерации сарматских племен со странами Закавказья, откуда они получали вавилонские и индийские товары⁵. Благодаря этому усилились связи коренного населения Дагестана с сарматским миром. Особенно сильно они проявлялись в Северном Присулакском Дагестане, где контакты были особенно прочными. Следствием их явилась сарматизация части населения приморских районов⁶.

В первые века н. э. в Приморский Дагестан проникла значительная группа аланских или маскутских племен, обосновавшаяся в районе Дербента и к югу от него, а по М. И. Артамонову, между реками Самур и Бельбек (? — К. М.). Эти племена, образовавшие позднее небольшое княжество маскотов, играли активную роль в политической истории края вплоть до арабских завоеваний⁷. Приведенное мнение В. Г. Котовича (который, кстати, оказал нам существенную помощь в освещении этнических связей североиранских племен с населением Дагестана в историко-археологическом аспекте) чрезвычайно важно потому, что оно лишний раз говорит о том, что контакты аланских племен с дагестанцами раннего средневековья носили не случайный, но систематический характер, а последствия этого, естественно, могли быть самыми серьезными в интересующем нас плане. Со ссылкой на Аммиана Марцеллина (XXXI, 22, 12) в известном смысле допускает тождество между аланами и древними массагетами и В. Ф. Минорский, который, правда, далее делает, на наш взгляд, несколько неосторожную попытку объяснить название лезгинской реки Рубас средствами современного осетинского языка⁸.

В IX—XII вв., особенно в период возышения аланского государства, связи алан с населением Северо-Восточного Кавказа по-прежнему охватывали самые различные сферы. По свидетельству письменных источников, это были и военные походы, и политические союзы (союз алан и сериров), и династические браки

³ Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. — «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 193.

⁴ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 110.

⁵ Страбон XI, 5, 8.

⁶ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана.—МИА, № 23, 1951, стр. 224; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки. — Там же, стр. 272.

⁷ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. — МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 156.

⁸ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда. М., 1963, стр. 110.

(по Масуди, между царем алан и царем Серира существовали брачные связи, поскольку каждый из них женился на сестре другого)⁹. Восточные аланы поддерживали особенно тесные торговые и культурные связи с Закавказьем и Северо-Восточным Кавказом¹⁰.

Здесь мы попытаемся продолжить начатый В. И. Абаевым список слов, которые проникли из осетинского языка в некоторые дагестанские. Думаем, что выявление таких фактов является важным подтверждением этнических связей далекого прошлого осетин с дагестанцами.

Об одном из наиболее употребительных и многозначных словообразовательных суффиксов осетинского языка — *-æg* В. И. Абаев пишет так: «Конечный *-æg* представляет обычный и излюбленный (подчеркнуто нами. — К. М.) формант, нарощенный на множество не только иранских, но и не-иранских слов, если последние усвоены в осетинском в древнюю эпоху»¹¹. Об удивительной многозначности и необыкновенной распространенности этого суффикса говорит (на четырех страницах!) Всеволод Миллер¹². По его свидетельству, при помощи суф. *-æg* в осетинском образуются причастия или *nominis agentis* от основы настоящего времени, имена, которые выражают постоянное свойство предмета, относительные прилагательные и т. д. и т. п.¹³ Однако в ряде слов, относящихся к более древним пластам осетинской лексики, он, кажется, не несет на себе видимой словообразовательной нагрузки (ср. *зымæг* ‘зима’, *думæг* ‘хвост’, *хæргæг* ‘осел’, *дæндæг* ‘зуб’ и т. д.). При таком положении, какое занимает и, видимо, занимал в осетинском языке словообразовательный формант *-æg*, не приходится удивляться тому, что даже при простом обзоре осетинской лексики сразу же выделяется масса имен, включающих в свой состав названный суффикс.

Обследование некоторых дагестанских языков приводит к установлению в их словарном составе ряда имен существительных с конечным элементом *-eg* | *-ek*, *-ag*. Обзор словообразовательных суффиксов соответствующих языков показал также, что названные элементы не являются принадлежностью их морфологических систем. Ниже речь пойдет о некоторых фактах аварского и даргинского языков. Семантика и фонетический облик анализируемых ниже слов, равно как и сопровождающий их культурно-исторический фон, наводят нас на мысль об их заимствовании непосред-

⁹ Там же, стр. 70—71, 136—137, 204.

¹⁰ «Очерки истории СССР, III—IX вв.» М., 1956, стр. 619; В. А. Кузенцов. Аланские племена Северного Кавказа. — МИА, № 106, 1962, стр. 128—129; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 360—364.

¹¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949, стр. 333.

¹² Вс. Миллер. Язык осетин. М.—Л., 1962, стр. 147—150.

¹³ Там же,

ственno из осетинского языка. Определенную трудность, естественно, представляет хронологизация таких заимствований.

1. Авар. *хомелег* 'хмель' (бот.) представлено в ряде диалектов еще и формами с оглушенным исходным г (*хомелек*), с утраченным ауслаутным г (*хомели*, *хумели*). Все эти формы чрезвычайно близки к осетинскому *хумаллэг*¹⁴ того же значения. Следует отметить, что палатальный ə, обозначаемый в дагестановедческой транскрипции сочетанием аль, в аварском отсутствует. В качестве его субститута в заимствованных словах обычно выступает е, который мы и имеем в фиксируемых формах этого слова. В осетинском происхождении аварского слова *хомелег* 'хмель' еще больше убеждает то обстоятельство, что в прошлом осетинский язык являлся своего рода «поставщиком» для окружающих кавказских нескольких терминов, связанных с производством пива и других напитков невиноградного происхождения (ср., например, груз. *լւծ-ի*, [рач.] *ալւծ-ի* 'пиво' < осет. *æлут*, *æлутон* 'пиво'; мегр. *ранги*, сван. *ранг* < осет. *ронг* 'медовый напиток')¹⁵. Именно этот момент и составляет реальный культурно-исторический фон, обусловивший приводимый здесь факт словарного заимствования.

2. Даргинское *ахсинаг* 'синька', мы полагаем, также восходит к осетинскому источнику¹⁶. При этом в процессе усвоения произошел довольно заметный семантический сдвиг. В осетинском *ахсинаг* имеет значение 'стирка; то, что следует постирать' (ср. *æхсын* 'мыть; стирать'). Сюда же примыкает, на наш взгляд, осетинское название дикого голубя — *æхсинæг*. Ясно, конечно, что исходной основой для этого слова послужило осетинское же *æхсин* 'темно-серый', ср. в этом смысле соотношение русск. голубь и голубой, синица и синий (В. И. Абаев). Семантическая связь между стиркой и названием цвета объяснима: видимо, подсматривание белья у осетин являлось одним из наиболее существенных моментов процесса стирки. Нам кажется, что в момент заимствования этого слова даргинским языком из осетинского в последнем *ахсинаг* обозначало не только стирку или белье, предназначенное для стирки, но и синьку, а возможно, только синьку или какое-либо близкое понятие¹⁷.

3. Обращает на себя внимание как фонетическая, так и семантическая близость аварского *пицI* 'смола, жевательная смола' к осетинскому *без*, *бидз* 'вощина'. Наличие в аварском слове геминированной смычногортанной свистящей аффрикаты позволяет предполагать в качестве исходной осетинскую форму *бидз*, поскольку в современном аварском ցI совпали исторические *gз

¹⁴ Написание этого слова цит. по: В. И. А ба е в. Указ. соч.

¹⁵ А ба е в, ОЯФ I, стр. 336—353.

¹⁶ Первым на это обратил внимание В. И. Абаев («Историко-этимологический словарь осетинского языка», Г. М.—Л., 1958, стр. 220 сл.).

¹⁷ В современном осетинском синька обозначается словом *копрадз*.

и **qI* (Е. А. Бокарев). Анлаутный же звонкий ассимилятивно оглушился в придыхательный (смычногортанный *nI* в аварском отсутствует). Таким образом, осет. *бидз* > авар. *биqI* > *ниqI*. К аварскому слову примыкают лакск. *ницI* и дарг. *пенцI* в этом же значении.

4. В. И. Абаев увязывает осет. *цъает* 'пружина' с кабардинским *шет* 'кресло' (ОЯФ, 333). Семантическая связь между этими двумя словами нам не совсем ясна, так как вряд ли народы Кавказа имели представления о пружинном кресле даже в недалеком прошлом. Впрочем, указанные значения этих слов могли развиться совсем недавно. Интересным представляется в этой связи наличие в арчинском языке слова *шეлнт* 'стул', источником которого в конечном счете мы считаем каб. *шэ(н)т* 'стул'. Дополнительным аргументом в пользу нашего предположения может служить полная обосновленность арчинского названия стула на фоне остальных дагестанских языков. Сonorный *н* в арчин. *шёлнт* представляет собой обычное наращение перед вторым корневым согласным односложных слов, что характерно для фонетики основной массы дагестанских языков.

5. Несомненным заимствованием из осетинского является и арчин. *капк* 'стекло'. Как известно, во всех дагестанских языках стекло либо обозначается словом турецко-персидского происхождения (*шуша*, *шиша*), либо оно связано с названием льда (ср. авар. *qIер* 'лед' > 'стекло', ахвах. *жари* 'лед', 'град' > 'стекло', карат. *заре* 'лед', 'град' > 'стекло'). В этом смысле арчинское слово стоит особняком, так как не связано ни с понятием 'лед' (ср. арчин. *хъол* 'лед'), ни с понятием 'град' (ср. арчин. *къварбакъI* 'град'), ни с турецко-персидским *шуша* || *шиша* 'стекло', 'стеклянная посуда', 'бутилка'. Сравнение арчин. *капк* 'стекло' с осет. *авг* 'стекло' наводит на мысль о том, что в арчинский оно вошло из осетинского. При этом не должны смущать довольно существенные различия между обеими лексемами в фонетическом облике — все они поддаются объяснению. Конечный глухой арчинского *капк* является продуктом оглушения ауслаутного *г* осетинской формы: одним из наиболее распространенных фонетических процессов в арчинском языке является оглушение конечных звонких согласных (ср. арчин. *лъат* 'море' при авар. *ралъад*; арчин. *лъевит* 'навоз' при лезг. *фид*, рут. буд. *хъид*, цах. *хид*; арчин. *оtч* 'хвост' при табас. *риджв*, аг. *рудж*, крыз. *джи*; арчин. *лок* 'колос' при дарг. *луги* и т. д.). Осет. *авг* содержит губной *в*, который в позиции перед глухим придыхательным *к* перешел в *ф*, чуждый арчинскому языку, где, как правило, в качестве его субSTITУТА выступает билабиальный смычный придыхательный *п*. Такая замена согласного *ф* в кавказских языках широко известна. Итак, арчин. *афк* (<*авк*) дало форму *апк*. Что же касается начального *к* арчинского слова, то оно появилось здесь в результате тенденции в арчинском языке к «удвоению» исторически одноконсонантного

корня. Имен существительных, построенных по такому типу, в арчинском много (къаркъи ‘сенохос’, ‘луг’, ‘пастьбище’; къонкъ ‘баранья шкура’, ‘книга’; поIмп ‘колено’; чIимчIу ‘хвост’ и т. д.). Наше положение относительно вторичности начального *к* в арчин. *канк* подкрепляет аналогичное развитие в других нахско-дагестанских языках:ср. ингуш. *къаракъ*, чечен. *къаркъа* ‘водка’, где начальный *къ* повторяет корневой *къ* исходной формы (араб.-перс. *‘аракъ*). Таким образом, осет. *авг*, попав на арчинскую языковую почву, претерпело следующие фонетические изменения: *авк* > *афк* > *анк* > *канк*.

Рассматривая причины появления этого культурного термина в горном Дагестане, следует иметь в виду то обстоятельство, что в X—XI вв. здесь получают широкое распространение разнообразные стеклянные изделия. Часть их, изготовленная в Византии и производственных центрах Северо-Западного Кавказа, по-видимому, проникла сюда через территорию алан, неся с собой соответствующую терминологию.

В заключение нам хотелось бы еще раз подчеркнуть важность исследований в области истории этнических связей северноиранских (resp. аланских) и дагестанских племен на материале лексических фактов современного осетинского и дагестанских языков. Разработка лингвистической проблемы «Ossetica — Lezgica» может внести существенный вклад в дело изучения культурного прошлого этих народов.